

«Иногда мы с Оксаной живем по принципу «никто не хотел уступать»... Правда, если уж один из нас улыбнется — примирение неизбежно»

одном и том же. Они скоро друг другу надоедят». А я уверен — многие мечтали бы иметь такие отношения, как у нас. В нашей семье есть гармония.

— *Что же, вы вообще не ссоритесь?*

— Ссорятся все. Но мы, как терминаторы — самообучающиеся: анализируем причины конфликтов и впредь стараемся подобных ошибок не повторять. Вот, к примеру, ситуация. Я говорю: «Надо взять третий день в студии», — а Оксана считает, что в этом необходимости нет, потому что вся работа сделана. Я и сам это знаю, но не люблю, когда на меня давят, и из принципа начинаю спорить. Раньше бы жена должна была меня без конца: «Не надо!», «Не надо!», а теперь тукнет один раз — и отойдет, чтобы я сам принял правильное решение. Через какое-то время снова тихонечко тукнет и опять уйдет в другую комнату. Глядишь, проблема и рассосется. Бывает, конечно, что мы по-крупному скандалим, по 2—3 дня не разговариваем. Но такое случается редко, да и то, наверное, потому, что оба чересчур эмоциональные. Как говорит-ся, «никто не хотел уступать». Правда, если

уж один из нас улыбнется, другой тут же идет на примирение. Иногда мы даже по этому поводу устраиваем маленькие праздники. Все-таки большинство ссор происходит на пустом месте. Видно, до сих пор притираемся друг к другу.

— *Это на девятом-то году совместной жизни?*

— А что такого? Мне вообще кажется, что если притирка закончилась, то и чувств, скорее всего, уже нет. Возникает безразличие, один супруг думает о другом: «А-а, пусть делает что хочет». Вот это страшно. Тут и конец хорошим отношениям, а может, и близкий конец семьи.

— *Неужели и ваши родители до сих пор притираются?*

— К сожалению, нет. Обосновавшись в Америке, я очень скоро перевез туда брата и маму. А папа — человек довольно тяжелый на подъем — не захотел уезжать с насиженного места. Надо признать, в отличие от меня он диссидентом никогда не был. Все проблемы — достать ли мяса или крышку трамблера, хоть и со скрипом, папа всегда решал. Только один раз, помню,

он разбудил меня утром и нервно так сказал: «Вставай! Надо уезжать!» Ночью из нашей машины вынули лобовое стекло и украла два овечьих коврика. Для отца это стало последней каплей, переполнившей чашу сего терпения. «Все! Больше не могу! Пусть нам сделают вызов, я хочу эмигрировать из этой варварской страны», — в сердцах говорил он. Но потом успокоился и больше об отъезде не заикался. Инженер-сантехник, отец и в советское время чувствовал себя хорошо, будучи начальником участка. А теперь у него своя фирма, специализирующаяся на сантехнических работах. И ему тем более не хочется ничего менять.

— *А чем занимается в Америке мама?*

— Здесь она, как и папа, была инженером, они познакомились в институте «Ленжилпроект». А в Нью-Йорке мама уже несколько лет работает в компании по уходу за больными и престарелыми людьми. Ей там нравится. Она много путешествует, занимается моржеванием, купаясь зимой и летом...

— *Удивительно! Как же вы, сын инженер-ров, заразились джазом?*

— Вот именно — заразился. Начинал я в 7 лет, как многие дети, с фортепиано. Вскоре родители переехали в другой район, ездить к педагогу стало далеко, и мое обучение музыке временно прекратилось. Но когда через четыре года мне купили кларнет, занятия возобновились с новой силой. К слову, дед мой обожал классику. Отец боготворил Утесова. В свое время он даже посещал вечернюю музыкальную школу, играл на барабанах, пел на свадьбах; а дома у нас была большая коллекция эстрадных и джазовых пластинок. Так что мое увлечение музыкой вовсе не случайно. Папа даже мечтал, чтобы я стал великим кларнетистом. Но в 16 лет произошло событие, которое определило всю мою дальнейшую судьбу. Блестящий педагог ленинградского музыкального училища им. Мусоргского Геннадий Гольштейн провел со мной один урок игры на саксофоне, дал послушать пластинку Чарли Паркера... И все! Я заболел джазом навсегда.

Татьяна ПЕТРОВА
Фото Марка ШТЕЙНБОКА